

Т. И. Баталко

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры правооказания и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО»

Нарастание административных тенденций в политической жизни БССР в 20-е годы XX столетия и их влияние на национально-культурную политику белорусизации

Автор анализирует причины появления такого явления как национал-демократизм в конце 20-х годов XX века, что привело к дискредитации и компрометации развернутого в республике национально-культурного строительства (белорусизации) и ее активных участников.

Ключевые слова: белорусская национальная идея, национально-культурное строительство, политика белорусизации, национал-демократизм, руководство компартией культурным строительством в БССР.

Во второй половине 20-х годов прошлого столетия продолжалась острая дискуссия о судьбах новой экономической политики. Спор шел по существу о соотношении регулирующего воздействия государства и стихии рынка. На фоне теоретических споров и поисков нужных решений разворачивалась борьба амбиций и личных претензий на лидерство в партии и государстве. В этот период процесс выработки политических решений был полностью подчинен борьбе за власть.

Борьба за лидерство проходила в условиях наступления на демократические начала сначала в партии, затем в обществе. Любое расхождение с линией партии объявлялось оппозицией с меньшевистскими, неленинскими, меньшевистскими взглядами. Методы борьбы с ними избирались традиционные: дискредитация лидеров, критика не главных разногласий, а второстепенных, искажение точек зрения, навешивание ярлыков, оскорбления, клевета, фальсификация итогов голосования тех или иных вопросов. Осуществлялись они

через полностью контролируруемую прессу и послушный партийный аппарат. Таким образом, главным итогом дискуссии 1925-1927 гг. стало утверждение атмосферы нетерпимости к любому проявлению несогласия с линией ЦК РКП (б), начало установления в партии и стране тоталитарного режима.

Поскольку проблема национального и культурного строительства решалась в 20-е годы как органичная часть всего комплекса проблем новой экономической политики, то отказ от нэпа, переход к административно-командным методам управления неизбежно вели к деформациям в национально-культурной политике. Нам представляется правильной точка зрения белорусских ученых, которые считают, что разгром национал-демократизма не был локальным, специально задуманным ударом сугубо против интеллигенции [1]. Он был логичным результатом сверхцентрализации, утверждения жесткой, командно-казарменной системы, основанной на режиме личной власти и всеобщей подозри-

тельности. Сталинская номенклатура не хотела мириться с заменой принципа назначения сверху выдвижением кадров на местах. Наиболее ненавистной для стражей незыблемости монолитного блока оставалась интеллигенция, в том числе национальная, вышедшая из крестьянства, особенно деятели науки и культуры, педагогическая интеллигенция как проводники альтернативных идей. Определяющим условием существования интеллигенции становится готовность ее выполнять «социальный заказ» властей. Было объявлено о недопустимости творческих исканий и идеологического «легкомыслия». При этом национальное сознательно отождествлялось с националистическим. Трансформации такого рода давали себя знать прежде всего в сфере национально-государственного и национально-культурного строительства, где существовала почва для неординарных взглядов на многие вопросы практического осуществления национальной политики партии. Вскоре даже просто гражданская забота о развитии родного языка, защита национально-культурных традиций объявлялись проявлением национализма.

В республике начинается активное вытеснение интеллигенции из общественной жизни, искусственная политическая сепарация – расчленение на лояльных, нелояльных, «болото», т.е. нейтральных. Еще в декабре 1925 года в докладе А. Криницкого IX съезду КП(б)Б «О культурном строительстве» были высмеяны мечты и надежды белорусских интеллигентов «о своей особой миссии», о «совместной работе с государством и партией», о «связи между белорусскими интеллигентами и партийными кругами» [2, с.213]. Вместо безоговорочного признания руководства партии в национально-культурном строительстве ряд представителей белорусской интеллигенции предложил «совместную работу и связь», вызвав тем самым крайнее раздражение руководителей республиканской компартии и подписав себе в дальнейшем смертный приговор. Поэтому перед ЦК партии незамедлительно встала задача – «поставить вопрос о значении интеллиген-

ции и ее прослойки; дифференцировать интеллигенцию; ...разоблачать все национально-демократические настроения; осуществлять на деле руководство рабочего класса и Компартии в деле культурного строительства» [3, 110]. «Теория» о дифференциации интеллигенции вскоре была разработана и оглашена на мартовском 1926 г. Пленуме ЦК КП(б)Б.

На II Всебелорусском учительском съезде 1926 г. А.Криницкий пытался развеять сомнения некоторых делегатов-учителей, рассуждающих так: «Зачем нам руководство комсомольской или партийной ячейки, там ведь нет культурных людей, а они будут руководить нами?» следующим образом: «Когда товарищ ставит вопрос – как это человек с более низким культурным уровнем руководит тем, у кого общий уровень выше, тогда он делает ошибку, забывая, что мощь класса, ее руководящая роль в переходный период, в период революции не определяется в первую очередь его общим культурным уровнем. Т.к. каждому классу, который подымается, чтобы захватить власть, построить новое общество, приходится овладевать культурой и потому, естественно, приходится управлять, будучи более низким по общему культурному уровню» [4, 124]. К сожалению, подобный стиль и тон, копированный с высказываний партийно-государственных руководителей, стал воспроизводиться во многих статьях, сборниках того времени, являя собой образец ортодоксальной большевистской мысли, образец для подражания.

Безусловно, претензии (ничем не обоснованные и к тому же заведомо на «низком культурном уровне») на партийно-политическое руководство национально-культурным строительством в республике вызвали неоднозначную реакцию со стороны интеллигенции. В своих рукописях, изъятых у него Главлитом в 1926 году, Я. Лесик давал следующую оценку складывающейся общественно-политической ситуации: «Теперь ... даже противники национального возрождения... признали факт национального возрождения как историко-экономическую неизбежность, но пытаются представить национальное дело как вре-

менный пережиток, как способ достижения общей цели – переустройства общества на социалистических началах, надеясь, вероятно, что малые народы все-таки исчезнут. Они хотят доказать, что национальное возрождение ценно не само по себе, не для себя, не как цель, а только как путь к общей цели, как побочный, вспомогательный способ для этой цели» [5, с.11]. Согласиться с подобным видением проблемы национально сознательная часть интеллигенции, для которой культурное возрождение было не «побочным способом к цели», а главным смыслом и целью всей жизни своей и народа, не могли. Они и представить себе не могли, что очень скоро несогласие их с позицией правящей партии по основным вопросам строительства нового общества поведет по кругам сталинских репрессий.

Очевидно, что одним из первых явных симптомов отказа от разумной политики плюрализма мнений, терпимости и поворота в сторону идеологического диктата и жесткого насилия являются решения мартовского Пленума ЦК КП(б)Б 1926 года. На нем была предпринята попытка искусственного разделения единого организма нации, секуляризации его исторического этноса по критериям классовости, социальным и идеологическим предпочтениям. В резолюции Пленума «О работе среди интеллигенции» отмечается «процесс кристаллизации национально-демократических настроений и идей» в рядах белорусской интеллигенции [6, 298]. Впервые термин «национально-демократический» приобретает зловеще негативный контекст. Нужно отметить, что сам термин имеет дооктябрьское происхождение, нося полностью позитивное содержание. Национал-демократизм понимался как революционный демократизм в сочетании с целями и задачами борьбы за социальное и национальное освобождение, за возрождение и развитие языка, культуры того или иного народа, за право наций на самоопределение. В таком положительном значении этот термин и применялся на протяжении первой половины 20-х годов в том числе и самими представителями национально-возрожденческого движения [7, 45].

Мартовский Пленум 1926 г. сформулировал и основные черты идеологии «национал-демократизма»: отрицание диктатуры пролетариата; стремление к уравниванию в политическом отношении крестьянства с гегемоном; ставка на кулацкие элементы деревни; стремление к влиянию со стороны интеллигенции на государственный аппарат; проведение белорусского шовинизма [8, 232].

Еще не выспел сталинский тезис об обострении классовой борьбы в процессе строительства социалистического общества, и, видимо, поэтому вместо резких выводов по поводу «национал-демократов» Пленум снисходительно замечает, что нет необходимости преувеличивать размеры этой опасности. Однако этот же Пленум, положив в основу степень лояльности интеллигенции к Советской власти, решил «разбить» белорусскую интеллигенцию на 4 группы по политическим взглядам: 1) группа, разделяющая основную линию партии и работающая с ней рука об руку; 2) группа, склонная к сотрудничеству с Советской властью и партией; 3) группа, политически пассивная (политическое болото); 4) группа, активно враждебная нашей политике, хотя и маскирующаяся зачастую показной советской лояльностью, группа, представляющая национал-демократов [9, 98].

В связи с ростом «активности интеллигенции, стремлением ее к организации», ЦК ставит перед парторганизациями задачи: усилить партийное руководство всеми сферами общественной жизни. Тогда же был намечен ряд мер идейной борьбы с «поднимающей голову национал-демократической интеллигенцией». Претворяя их в жизнь, ответственные работники на местах проявили всю степень своей политической ортодоксальности и решения Пленума оказались не только не выполненными, но и полностью извращенными (особенно в той части, где содержался приказ «ни в коем случае не допускать огульного подозрения всей интеллигенции»). В массе своей полуграмотные, не владеющие историческими проблемами формирования нации, теорией языкознания, местные ра-

ботники бдительно выполняли партийные решения об организации «тщательного учета настроений различных групп интеллигенции». В ЦК КП(б)Б посыпались докладные записки, справки, частные письма и заявления, авторы которых предпочитали оставаться анонимами, на местах составлялись списки, принимались резолюции «политической благонадежности» наиболее видных представителей интеллигенции. Начиналась дискредитация, компрометация развернутого в республике национально-культурного строительства (белорусизации) и ее активных участников. Уже недалеки были раскаты того страшного грома, который загремит на политическом небосклоне республики в 1929 году. Почва для последующих разоблачений «массовых вредителей» интеллигенции и борьбы с ней таким образом подготавливалась.

Трагически не понимая, что происходит (или не желая понимать) в обществе, семь человек – Алесь Дудар, Вацлав Ластовский, Алесь Адамович, Алесь Цвикевич, Михась Зарецкий, А.Вольны, А.Александрович подписали письмо, опубликованное в «Звезде» (1927 г.), в котором выступили против русификаторских и великодержавных тенденций «московской» политики в БССР. Это письмо положило начало развернувшейся 1-й театральной дискуссии в защиту национального репертуара в белорусских театрах. Партийная реакция последовала незамедлительно. В постановлении ЦК КП(б)Б «О задачах партии в области театральной политики» указаны основные принципы «репертуарно-контрольной работы», которые предлагали «запрет постановки пьес с враждебной пролетариату идеологией, элементами национал-демократизма..., контроль не только текста со стороны идеологического содержания, но и сценической трактовки пьесы при ее оформлении» [10,300].

Самое активное участие в дискуссии принял Д. Жилунович, защищая взгляды А. Дудара о необходимости белорусским театрам избавляться от пьес типа «Бронепоезд». За это Жилунович получил выговор от ЦК КП(б)Б. Участников дискуссии впоследствии ожидал сокрушительный удар по

всем направлениям, а одного из них – самого Алеся Дудара выслали в Смоленск с запрещением публиковаться.

В таких условиях большевистское руководство постепенно предлагало интеллигентам не идейные споры, творческие дискуссии, конструктивные диалоги, а подавление инакомыслия силой. Творцы революции, пришедшие к власти, основываясь на взглядах люмпен-пролетариев о вековом противостоянии народа и интеллигенции, изначально допускали сотрудничество с представителями интеллигенции как вынужденную временную меру. Интеллигенция республики лишается обычных условий творческой деятельности и обеспеченного существования. Многие специалисты были поставлены перед необходимостью ради сохранения своего заработка, постоянно идти на всевозможные компромиссы, исполнять все требования и желания своего начальства, своей комячейки, часто действовать против самых дорогих своих убеждений.

Таким образом, к концу 20-х годов бюрократическая партийно-государственная элита подошла вплотную к той грани, за которой начинался собственно сталинизм, грани, где субъективные ошибки, революционно-романтические заблуждения уступают место тщательно разработанной и последовательно проводимой в жизнь концепции решающей роли в истории административно-бюрократического насилия. Переход этой грани сложно объяснить одной лишь логикой борьбы идей. Нам представляется, что фактором, облегчившим этот переход, явился отказ от экономических свобод в рамках новой экономической политики. Немаловажное значение имела и политическая поддержка политики левачества и субъективизма значительной части революционно настроенных масс (наименее развитых, уповающих во всех вопросах на универсальное средство решения – насилие). Для режима личной власти большую опасность представлял экономический и политический плюрализм, разнообразие взглядов в культурном строительстве, возрождение национальных культур с выдвиганием местных национальных

кадров. А первостепенную опасность таила в себе интеллигенция, с ее лучшими традициями свободомыслия, свободного развития каждого индивида. Поэтому первый удар сталинская репрессивная машина обрушила прежде всего на нее. Ставилась задача морально и физически сломить интеллигенцию, лишить ее основополагающих черт, слить с расплывчатой группой служащих, бюрократов, чиновников. Именно в таких условиях с нацией можно делать все, что угодно...

Библиографический список:

1. Ершова Э.Б. Алгоритм развития культуры Беларуси в 20-е годы XX в. // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси: к 90-летию создания Института белорусской культуры: материалы Международной научной конференции. – Минск, 8-9 декабря 2011. – Минск, 2012. С.527-535.
2. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1945. Сборник докумен-

тов: в 2-х ч. Сост.Н.С.Сташкевич и др.- Минск, - Беларусь, 1990. – ч.1, - 357 с.
3.Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4, оп.1. д.20.
4.НАРБ. Ф.4 , оп.3. д.3
5. Лесік Я. 3 жыцця Язэпа Лесіка // ЛІМ – 1990. – 14 снежня (№ 45)
6. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1945. Сборник документов: в 2-х ч. Сост.Н.С.Сташкевич и др.- Минск, - Беларусь, 1990. – ч.1, - 357 с.
7. Жылуновіч, Д.Ф. Беларуская інтэлігенцыя у гістарычным аспекце // Польшыя. – 1926. - №6. – с.43-50
8. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1945. Сборник документов: в 2-х ч. Сост.Н.С.Сташкевич и др.- Минск, - Беларусь, 1990. – ч.1, - 357 с.
9. НАРБ Ф.4. оп.2. д.4
10. Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии, 1918-1945. Сборник документов: в 2-х ч. Сост.Н.С.Сташкевич и др.- Минск, - Беларусь, 1990. – ч.1, - 357 с.

©Баталко Т. И., 2022